

Обычай стрижки волос в традициях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии

М. М. Содномпилова*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Представлено сравнительное исследование ритуальной стрижки волос у детей в разных традициях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии и ее значения. Установлено, что наделенные богатой и сложной символикой волосы были включены в большое число обрядовых действий, с ними было связано множество ограничений, а одним из важных обрядов детства, в котором волосы выступают главным объектом манипуляций, является. Представлено сравнительное исследование ритуальной стрижки волос у детей в разных традициях тюрко-обычай стрижки утробных волос с формированием специфических причесок у мальчиков и девочек. Рассмотрены разновидности ритуальной стрижки, традиционные и современные обоснования этого обычая, его участники, приводятся названия причесок, описывается бытование данного обычая в условиях современности.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюркские и монгольские народы, общество, утробные волосы, обычай первой стрижки.

Для цитирования: Содномпилова М. М. Обычай стрижки волос в традициях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2026. Т. 55. С. 55–66. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.55>

Hair-Cutting Rituals among the Turkic and Mongolian Peoples of Inner Asia

M. M. Sodnompilova*

Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Among the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia, the ritual cutting of children's natal hair represents a distinctive custom that has persisted from antiquity to the present day, albeit with significant transformations in its underlying rationale and execution. In traditional cosmologies, hair was endowed with complex symbolism and was subject to numerous ritual prescriptions and prohibitions. The cutting of so-called “uterine” (or birth) hair constituted a crucial childhood rite of passage, during which specific hairstyles were created for boys and girls. Uterine hair was believed to belong to a liminal sphere within the human body, serving as a conduit for communication with deities and ancestral spirits. This connection was considered particularly potent during the first three years of life, after which it was permitted to weaken. However, the upper age limit for the ritual could shift in response to various factors—including childhood illness or the child's exceptional status (e.g., being an only or long-awaited child). Significantly, among many groups, the magical bond was never entirely severed: uterine hair was subsequently incorporated into the hairstyles of adults and was preserved throughout the individual's lifetime, typically entrusted to the parents' care. Over time, these traditional practices underwent progressive transformation and loss of their original ritual significance. In recent decades, however, the ritual of cutting natal hair has experienced a revival, albeit with substantially altered justifications—focusing not on sacred “impurity” but on concerns for the hair's health and thickness. Contemporary familial practices exhibit considerable variation: in some households, children's hair remains entirely uncut or receives only a symbolic trimming; among those who identify the practice as “traditional,” adherence to ancient preservation rules is rarely observed. Modern societies employ diverse methods of hair removal, all ostensibly aimed at preventing harmful manipulation of the hair. Among the Buryats, Tuvans, Khakassians, and Altai peoples, the present-day ritual is typically associated with a child's first birthday and is regarded as one of the most significant childhood celebrations. In rural Mongolia, this ceremony continues to retain substantial economic importance within family life.

Keywords: Inner Asia, Turkic and Mongolic peoples, society, uterine hair, first haircut custom.

For citation: Sodnompilova M. M. Hair-Cutting Rituals among the Turkic and Mongolian Peoples of Inner Asia. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2026, Vol. 55, pp. 55–66. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.55> (In Russ.)

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

В культуре тюрко-монгольских народов сложилось особое отношение к волосам человека. Наделенные богатой и сложной символикой, волосы были включены в большое число обрядовых действий, с ними было связано множество запретов, часть которых закрепились и в правовой культуре. Отдельный большой интерес исследователей вызывали прически кочевников, история их происхож-

дения, особенности внешнего вида причесок, украшения волос. Проблематика довольно обширна, охватывает разные аспекты, которые обсуждаются во множестве публикаций, созданных представителями соответствующих специальностей: этнографами, культурологами, лингвистами. Разные аспекты причесок кочевников обычно рассматриваются в контексте исследований головных уборов, одежды, обращаются к ним и при рассмотрении семейной обрядности. Тем не менее существующие исследования нельзя считать исчерпывающими, и многие вопросы, имеющие отношение, в частности, к женским прическам, детским стрижкам тюрко-монгольских народов XIX в., все еще ждут своего разрешения.

Прежде всего, вызывает интерес обычай кочевников остригать волосы детей: согласно этнографическим материалам XIX в. в традиции тюрко-монгольских народов был широко распространен обычай состригать волосы и мальчикам и девочкам на особом обряде по прошествии от одного года до трех лет после рождения. Влияние разных факторов – религий, экономических соображений, изменение социального статуса членов общества – трансформировало отношение к волосам. Символическое значение волос наполнилось новым содержанием, и в результате в культуре разных тюрко-монгольских народов Внутренней Азии обычаи и обряды, связанные с волосами, подверглись разной степени трансформации. Терминология, отражающая виды причесок, названия обрядов, представляет собой отдельную проблему, решение которой позволит пролить свет на происхождение причесок, пути их распространения, тем самым содействуя исследованиям этнической истории указанных регионов.

Целью настоящей статьи является сравнительное исследование ритуальной стрижки волос у детей (ее значение, названия причесок, бытование данного обычая в условиях современности) в разных традициях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Источниками исследования выступают историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей – этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, а также материалы полевых исследований автора.

В исследовании используется сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в понимании и осмыслении явлений природы в культуре тюрко-монгольских народов.

Практические и магические обоснования стрижки волос

Согласно данным источников, традиция сбривать волосы утвердилась в кочевом обществе очень давно – одними из первых свидетельств стрижки волос у кочевников являются сведения об ухуанях. В XIX в., согласно этнографическим материалам, стрижку волос у детей в традиции тюрко-монгольских народов практиковали практически повсюду на территории Внутренней и Центральной Азии (казахи, монголы, киргизы, тувинцы, якуты, хакасы, алтайцы, буряты). В то же время отсутствуют ясные объяснения бытования этой традиции.

У разных народов относительно стрижки волос у детей существует ряд объяснений. В материалах по истории народов дунху говорится, что древние предки монголоязычных народов ухуани находили стрижку волос очень удобной: «считают, что бритье головы приносит облегчение» [Таскин, 1984, с. 64]. В условиях кочевого быта стрижка волос была оправдана хотя бы из гигиенических соображений. Очевидно, что и в последующем в традициях разных кочевых народов тюрко-монгольского мира удобство и гигиена были основным обоснованием

стрижки волос у детей. Подтверждение этого находим у калмыков: в середине XIX в. П. И. Небольсин отмечал, «что девочкам до 14 лет волосы стригли “для опрятности”» [Бакаева, 2017, с. 37].

Вместе с тем в среде калмыцкой знати отмечалась иная практика: «По свидетельству И. А. Житецкого, и девочкам, и мальчикам в семьях калмыцких зайсангов в конце XIX в. волосы отращивали» [Бакаева, 2017, с. 37]. Причин такого исключения могло быть несколько: демонстрация высокого статуса семьи чиновника; возможность обеспечения в богатых и знатных семьях своевременного ухода за детскими волосами; сохранение в полной мере сакральной связи ребенка с иным миром. Сходные в чем-то обоснования частичного оставления волос у детей в виде *айдар* и *тұлым* как маркера высокого социального статуса семьи отмечены у казахов. Детей же невольников и прислужников брили наголо [Науразбаева, 2022, с. 145].

В бурятском обществе, «если мальчику, смотря по способностям, предназначено было быть простым человеком (*хара хун*), то ему обривали волосы, оставляя пучок на темени, который заплетали в косу (*гээзгэ*)» [Бадмаева, 1987, с. 46]. Если мальчику суждено было стать ламой, волосы сбривали без остатка. Аналогично поступали и в монгольском обществе [Банчиков, 1964, с. 49].

Как правило, волосы детям в традиции тюрко-монгольских народов состригали не полностью, оставляя от одного до нескольких пучков волос. Эта традиция обоснована широким кругом воззрений о жизненно важной значимости первородных волос, которые считались дарованными создателем и рассматривались как вместилище души человека. Считается, что первородные волосы выступают связующей нитью между человеком и его создателем. Эта связь особенно крепка в первые месяцы жизни ребенка.

В разных культурах тюрко-монгольского мира мы увидим следующие представления, вскрывающие связь утробных волос с созидательными силами:

- в представлениях бурят о первородных волосах просматривается их связь с Солнцем как подателем жизни: «Солнце дарит жизненное начало и с этого момента якобы начинается зачатие, жизнь. Отзвуки этого представления сохранились в обычае оставлять при стрижке пучок утробных волос у ребенка» [Галданова, 1987, с. 42]. Лучи Солнца, вероятно, рассматривались в следующем ассоциативном ряду: лучи/нити/волосы. Сходные представления о лучах солнечного божества как его волосах бытовали и у башкир [Баязитова, 2018, с. 614];

- в традиционных представлениях хакасов вторичный волосяной покров, т. е. брови и волосы головы, называется *ымай сазы* ‘волосы, данные богиней Умай’ [Бутанаев, Монгуш, 2005, с. 127];

- за длинный пучок волос, оставляемых на затылке у мальчика, по верованиям якутов, держала его богиня-охранительница Иэйиэхсит [Бравина, 2005, с. 42];

- каратегинские киргизы, стремясь сохранить ребенку жизнь, оставляли ему локон *кокиль* на затылке и посвящали его какому-нибудь святому, в честь которого был возведен мазар. Когда ребенок вырастал, отец ездил с ним к мазару святого и там с жертвоприношениями срезал локон сына [Кармышева, 2009, с. 218].

Первородные волосы в языке тюрко-монгольских народов имели особые названия: у бурят они назывались *эхэ соохи уһын* ‘материнские волосы’ [Галданова, 1987, с. 52], у монголов – *сэвгэр, даахь* ‘комочек свалявшейся шерсти’ [БАМРС, 2001, II, с. 149, 7], у калмыков – *унһн усн* ‘исконные, наследственные,

родные волосы» [Калмыки, 2010, с. 248; КРС, 1977, с. 533], теленгиты, тувинцы, кыргызы называли их *карын чач* ‘утробные волосы’ [Юдахин, 1985, с. 353]. Именно с первородными волосами связывались представления о жизненной силе человека, особенно женщины, которая могла распространяться и на других членов семьи (братьев женщины, мужа) [Галданова, 1987, с. 52].

В традиционных представлениях многих народов ребенок остается связанным с иным миром до определенного возраста. У бурят считалось, что до трех лет (иногда и дольше) дети принадлежат Заяши – божеству-создателю и покровителю судьбы человека. Все это время Заяши ухаживает, присматривает за ребенком, играет с ним – даже «умывает ему по утрам личико, отчего дети просыпаются всегда свеженькие и чистенькие» [Там же, с. 46]. Признаками этой сверхъестественной связи выступали, в частности, неумение ходить и отсутствие речи – лепетание малыша толковалось как его общение с божеством-создателем. Включение ребенка в общество происходило постепенно, по мере его развития, через совокупность особых обрядов и действий, например таких как стрижка волос. Хакасы объясняли стрижку младенческих волос следующим образом: «Избавляясь от первых, младенческих волос, ребенок отделялся от потустороннего мира и ставился в один ряд с людьми. Только человек может заплести косу» [Кустова, 2000, с. 57].

В соответствии с такими представлениями тюрко-монголов маленький ребенок обладал особой магической силой. Буряты по его поведению пытались угадать будущее человека: если ребенок проявлял интерес к чужому человеку, забирался к нему на руки, делился с ним едой, дарил что-либо из своих вещей, считалось, что тем самым он предрекал незнакомцу хорошее будущее. И наоборот, страх ребенка, нежелание общаться с незнакомцем, тем более детский гнев, рассматривались как плохой знак. Хакасы верили, что глаза маленького ребенка обладали проклинающей силой: «У маленького ребенка проклинают глаза, у пожилого – годы (нельзя обижать ни малых, ни старых)» [Бутанаев, 1999, с. 46]. Такую сверхъестественную силу ребенку, в частности, придавали утробные волосы, связывающие его с иным миром. Казахи считали, что ребенка, у которого есть «айдар», ни в коем случае нельзя обижать, поскольку сказанные им слова могут сбыться, а сила, кроющаяся в его руках, может дорого стоить обидчику [Башбаева, 2014]. Именно по этой причине, как полагают казахи, в их традиции сложился обычай второй стрижки, когда утробные волосы ребенка (обычно мальчика) состригали полностью. Такое понимание магической силы, заложенной в утробных волосах, отмечено у алтайских народов. В этой связи особый интерес представляет обмен мнениями представителей казахского и алтайского народов по этому поводу:

«Но у казахов было принято состригать их из-за веры в то, что обида человека, утробные волосы которого не были сбиты в младенчестве, обладает огромной разрушающей силой. Есть выражение “Қарын шашыммен қарғаймын” – “Прокляну моими утробными волосами”. Заслуженный деятель Республики Алтай, режиссер театра и анимации Тамара Муканова-Мендошева в личной беседе сказала: “Алтайцы, в отличие от казахов, не состригают утробные волосы. У нас считается, что проклятие человека, утробные волосы которого не были сострижены, достигает цели. А обижаются-то обычно на своих близких, на окружающих. Может быть, поэтому мы такой малочисленный народ?”» [Науразбаева, 2022, с. 145].

Обряд стрижки волос

Стрижка волос в культуре кочевников Внутренней Азии была важнейшим событием в общественной жизни и являлась частью большого обряда, в котором принимали участие близкие родственники, соседи. У значительной части тюрко-монгольских народов священным ореолом был окружен обряд первой стрижки ребенка. Утробные волосы, оставленные ребенку, впоследствии становились частью взрослой прически. Но у казахов и киргизов оставленные во время первой ритуальной стрижки пучки удаляли полностью, когда ребенку исполнялся год или позднее – даже в подростковом возрасте. Дважды стригли ребенка и представители ойратов Китая – олеты. Первую стрижку они проводят, когда ребенку исполняется три года, в пять лет – вторую, за которой следует обряд сажания на коня [Бичеев, 2023, с. 98].

У бурят в прошлом обряд стрижки волос назывался *үһэнэй һара* ('месяц волос') и заключался в торжественной стрижке волос, после которой мальчик считался полноправным членом семьи. Со дня проведения обряда *үһэнэй һара* мальчик занимал уже привилегированное положение в семье по сравнению с девочками, как бы отступавшими на второй план [Бадмаева, 1987, с. 46].

В монгольском языке обычай стрижки волос именовался *даахь авах*, *даахь үргээх* 'первая стрижка ребенка', букв. 'снятие колтуна/комка/свалявшейся шерсти' [БАМРС, 2001, II, с. 7]. Известно также выражение *зулай бүтэх* 'совершить обряд пострижения волос на темени у мальчиков' [БАМРС, 2001, II, с. 235]. Следовавшее за обрядом пиршество называлось *үсний найр* 'праздник волос' [Монгол улсын, 2012, с. 353]. Особыми отличительными чертами характеризуется детский обряд стрижки волос у ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, которые осуществляли данный обряд дважды. Первую стрижку ребенка, проводимую по достижении им трех лет, ойраты называли *өрвэг авх* (букв. 'состригают пух'). Вторая стрижка, совершаемая ребенку в пять лет, называлась *жсивр авх* (букв. 'состригают перья') [Бичеев, 2023, с. 98]. В названиях обряда просматриваются явные «птичьи» черты образа ребенка, которые в целом можно считать универсальными¹. Полагаем, что применяемые в данной ситуации образцы иносказания обусловлены соображениями защиты ребенка.

В тувинской среде названия обряда стрижки волос различались в разных районах как Тувы, так и за ее пределами. Распространены были следующие названия – *хылбык дой* 'праздник утробных волос', *хылбык алыры* 'удаление утробных волос', которые отмечены как у российских тувинцев, так и у тувинцев Китая [Даваа, Куулар, 2024, с. 35; Айыжы, 2024, с. 137]. У российских тувинцев, территории проживания которых граничили с Монголией, обряд повторял монгольское название *таах авах*. В других районах Тывы было известно название *башты хылбыктаары* 'стрижка утробных волос' [Кара-оол, 2013, с. 34]. Хакасы называли обряд первой стрижки волос *кисник той* 'праздник чубчика' [Кустова, 2000, с. 58].

¹ Ассоциации ребенка с птицей характерны для мировоззрения многих народов. Прежде всего, подобные представления связаны с душой – души еще не рожденных детей представлялись птичками якутам, эвенкам и другим народам Сибири; с птицей в разных культурах отождествлялись девочки, девушки.

Форма стрижки

Согласно множеству этнографических материалов XIX в., практически повсеместно в среде тюрко-монгольских кочевников форма стрижки у мальчиков и девочек различалась. Стригли волосы детям очень коротко, можно сказать, волосы сбривали, оставляя при этом на голове от одного до нескольких пучков утробных волос (рис.). Количество пучков, оставляемых ребенку, зависело от его пола и традиций народа. Различались и названия этих волос.

Рис. Монгольский мальчик с детской прической. Копия, сделанная М. М. Содномпиловой с фрагмента картины «Монгольские дети за игрой в кости» неизвестного монгольского художника

Fig. Mongolian boy with childish hairstyle. Copy made by M. M. Sodnompilova from a fragment of the painting “Mongolian children playing dice” by a unknown Mongolian artist

У бурят пучок волос оставляли на темени, если это был мальчик. А девочке оставляли два пучка, называемые *хабхаг* ‘крышка’ или *хөхөл* ‘пучок’, ‘гребень’, которые торчали подобно рогам (*эбэр шэнги*) [Галданова, 1987, с. 52]. Монголы два пучка на висках также называли *хөхөл* или *эвэр* ‘рожки’, либо *сонжуу/согсоо үс* ‘косичка’, пучок надо лбом – *салмай*. В височные прядки вплетали серебряные нитки, кисточки [Монгол улсын, 2012, с. 354]. Обычно два пучка волос *эвэр* были преимущественно девичьей прической, но в некоторых случаях подобные рожки могли оставить и мальчику, если родители опасались за его жизнь [ПМА 1]. Очевидно, это один из распространенных апотропеических приемов, наряду с наделением женским именем, ношением девичьей одежды, применяемым для сохранения жизни мальчику.

Калмыки на голове ребенка оставляли несколько прядей волос *жоомг*, *шогдамл* ‘пучок’ [КРС, 1977, с. 232]. У мальчиков оставляли пять прядей: на лбу (*маннан шогдамл*), на затылке (*гигжгин шогдамл*), на макушке (*оран шогдамл*), по обе стороны от темени у висков (*хойр захрмгийн шогдамл*). У девочек же волосы постригали в кружок вокруг головы [Калмыки, 2010, с. 248].

Участники обряда

В традиции большинства тюрко-монгольских народов в обряде стрижки волос принимали участие самые близкие родственники, приглашали также самых уважаемых людей общества, соседей. Монголы в год, когда планировали проведение данного обряда, объявляли в округе об этом так: «*Бугын дуунар бүстэй хүүхдийн үсийг, хөхөөн дуунаар охины үсийг авна*» ‘Волосы мальчика с голосом быка, волосы девочки с голосом кукушки возьмем’ – и готовились к празднику. Благоприятным считали для этого обряда понедельник или пятницу в начале весны либо середине лета [Монгол улсын, 2012, с. 353]. Весну для совершения этого ритуала предпочитали теленгиты, выбирая дни, приходящиеся на новолуние [Михайлова, 2005, с. 108]. Многие считали самым хорошим днем для ритуальной стрижки третий день новолуния [Цыденова, 2009, с. 57]. Монголы-халха придавали значение времени и в суточном цикле, отдавая предпочтение часу овцы [Монголын угсаатны зүйн, 2011, с. 257].

Главным гостем на празднике, который удостоивался чести первым прикоснуться к волосам ребенка, был его дядя по материнской линии. Если их было несколько, то такое право предоставлялось самому старшему дяде. Тувинцы при отсутствии на торжестве дяди по матери по уважительной причине специально для него оставляли прядь волос, которую не трогали в течение 3 дней [Айыжы, 2024, с. 135]. Монголы также сохраняли нетронутыми пряди волос для старших братьев и сестер ребенка, которые не смогли принять участие в обряде. Оставленные прядки волос назывались *ах дуугийн гар хүрэх хувь* ‘доля братьев и сестер’ [Монгол улсын, 2012, с. 354]. У калмыков права первому срезать прядь волос ребенка удостоивался не только дядя по матери, но и дядя по отцу [Шараева, 2011, с. 73].

Возраст

В кочевой среде впервые ребенку стригли волосы по достижении им определенного возраста, который маркировался каким-либо значимым событием. Монголы стригли волосы мальчику в 3, 5 лет. Девочку стригли, когда ей исполнилось 2, 4, 6 лет. Трехлетний возраст у монголов считался рубежным – мальчик считался если не взрослым, то вполне самостоятельным человеком [Банчиков, 1964, с. 49; Ганболд, 2012, с. 31].

Верхняя граница возраста, когда ребенку остригали волосы, могла смещаться в зависимости от разных обстоятельств. Обряд мог откладываться, если ребенок часто болел – например, до 5 лет. Известны случаи, когда детям остригали волосы и в подростковом возрасте. Таковые, в частности, отмечены у киргизов [Фиельструп, 2002, с. 77, 81].

По достижении ребенком трех лет впервые стригли своих детей и тувинцы. «В тувинском обществе ритуал стрижки волос символизировал завершение периода младенчества. По представлениям тувинцев, теперь уже злые силы не могли навредить ребенку, так как с достижением этого возраста укрепляется его жизненная сила (тын)» [Юша, 2017, с. 215]. Тувинцы считали, что обряд стрижки волос следует обязательно провести до исполнения ребенку 5 лет, так как затем «волосы отяжелеют» и связь с иным миром будет слишком сильна для разрыва ее со взрослеющим ребенком [Айыжы, 2024, с. 136].

Калмыки в первый раз стригли ребенка, когда он начинал ходить – с этого момента он выходил из младенчества и вступал в следующую возрастную ступень детства – *балчр насн* ‘раннее детство’. Эта важная веха в жизни ребенка

маркировалась обрядом стрижки первородных волос (*унһн усн*) [Калмыки, 2010]. Обнаруживается связь проведения обряда стрижки утробных волос ребенка с его первыми шагами в культуре хакасов. Если ребенок ко времени стрижки еще не умел ходить, ему «расстригали» якобы мешавшие невидимые путы [Кустова, 2000, с. 100].

У разных этнических групп бурят данные о возрасте ребенка, когда его в первый раз стригли, существенно различаются. Агинские буряты стригли ребенку волосы, когда ему исполнялся год. Если до этого посещать дом, где был новорожденный, запрещалось, то после проведения обряда стрижки волос запрет снимался [Линховоин, 2012, с. 228]. Р. Д. Бадмаева приводит иные сведения – у бурят важным моментом в жизни мальчика считалось достижение им 5 лет. Именно в этом возрасте мальчику торжественно стригли волосы, и после стрижки «мальчик считался полноправным членом семьи (признавалось право на жизнь, право принадлежать к семье людей вообще)» [Бадмаева, 1987, с. 46]. Предбайкальские буряты в прошлом (в конце XIX – начале XX в.) приурочивали первую стрижку к обряду укладывания в колыбель.

Хранение волос

Волосы следовало хранить как оберег человека всю его жизнь [Цыденова, 2009, с. 56]. В этой связи в среде монгольских народов состриженные волосы мать хранила, поместив в тканевый мешочек среди других сакральных предметов. Этим целям у бурят и монголов обычно служил нарядный подголовник либо небольшой сундучок *абдар*, *хайрсаг*, в котором хранились наиболее ценные вещи семьи. Буряты нередко хранили волосы ребенка в специально сшитом мешочке: у ребенка «стригут немного волос и кладут в мешочек, который вешают на задней стенке колыбели, так, что по числу мешочков можно видеть, сколько было детей в семье» [Хангалов, 1958, с. 213]. В особой шкатулке хранили детские волосы вместе с пуповиной хакасы [Кустова, 2000, с. 101]. Калмыки «срезанные волосы хранили в сундуке или подушке ребенка, но мать ребенка могла носить их в специальном футляре» [Шараева, 2011, с. 73]. Довольно часто монголы срезанные волосы подшивали к воротнику одежды ребенка как оберег [Монголын угсаатны зүйн, 2020, с. 106].

Когда ребенок становился взрослым и обзаводился семьей, мать могла вернуть ему его детские волосы либо продолжала хранить их у себя. Обычно волосы своих взрослых детей (сыновей) матери поручали хранить дочерям [ПМА 2]. Алтайские урянхайцы после смерти родителей забирали свои волосы и хранили уже у себя дома [Лхагвасурэн, 2013, с. 107].

Современное бытование обычая стрижки волос

В условиях этнографических реалий обряд стрижки волос у разных народов претерпел существенные изменения. У бурят мы наблюдаем возрождение этого обычая под названием *милаан*, *милаанга*, практически исчезнувшего в XX в. Название это происходит от монгольского *мялаах* ‘угощать’, ‘дарить что-либо’, ‘угощать по случаю’ [БАМРС, 2001, II, с. 376]. В настоящее время в своем значении как праздник, устраиваемый по достижении ребенком года и сопровождающийся стрижкой волос, термин *милаанга* актуален только у бурят. У агинских бурят в середине XX в. на основе обряда *милаангууд* получил распространение обряд *уеын тарааха* ‘годовщина со дня рождения’, на котором ребенку впервые стригли волосы [Гомбожапов, 2006, с. 73].

В современных бурятских семьях первую стрижку волос приурочивают к году жизни младенца. При этом девочек не стригут наголо, как мальчиков, а срезают лишь кончики волос. Если пряди волос и оставляют, то не стремятся к тому, чтобы они повторяли традиционные формы. Изменился и мотив стрижки детских волос – теперь эта процедура объясняется тем, что после бритья новые волосы будут расти гуще и крепче. Среди предбайкальских бурят отмечено мнение, что утробные волосы – это «*ошихон*² *уһээн* – “нечистые, грязные волосы”», в связи с чем их следует срезать [Хандагурова, 2008, с. 174].

Современные калмыки совершают первую ритуальную стрижку волос ребенка по достижении им года, однако независимо от пола стригут малышей наголо, не оставляя традиционных прядей [Шараева, 2011, с. 80].

Тувинцы старались соблюдать данный обычай даже в сложные времена, отмеченные антирелигиозной борьбой. В настоящее время обряд стрижки утробных волос у ребенка – единственный из ритуальной практики, который проводит подавляющее число тувинцев [Даваа, Куулар, 2024, с. 135].

У монголов обычай *даахь авах* и не терял своей актуальности, особенно в сельской местности в силу экономической значимости – благодаря обряду у ребенка начинало формироваться собственное имущество из числа подаренных ему животных.

Большое разнообразие действий отражает отношение к состриженным волосам. В современном бурятском обществе отношение к утробным волосам упростилось. Одни семьи придерживаются старых традиций – хранят состриженные волосы в укромном месте. Есть родители, которые считают необходимым собирать волосы своего ребенка каждый раз после стрижки в парикмахерских, пока он не подрастет [ПМА 3]. Другие сжигают волосы в огне либо закапывают в «чистом месте» [Хандагурова, 2008, с. 174], развеивают по ветру с пожеланием стать материалом для птичьего гнезда [ПМА 4], иными словами, совершают действия, которые в прошлом строго порицались. Главное соображение современных родителей – волосы должны быть недоступны для вредоносных манипуляций. Аналогичные изменения происходят и в традиции других народов исследуемого региона.

Заключение

Обзор этнографических материалов, освещающих разные традиции стрижки волос у детей в среде тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, позволяет заключить, что утробные волосы рассматривались как часть сакральной силы в человеческом теле, обеспечивавшей связь с божествами и предками. Особенно крепка была эта связь в первые три года жизни ребенка. По достижении трехлетнего возраста необходимым считалось ослабление этой связи. Вообще верхняя граница возраста, когда ребенку остригали волосы, могла смещаться в зависимости от разных обстоятельств – болезненные, единственные и особенно желанные мальчик или девочка могли ходить с прядками утробных волос довольно долго.

В традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии эта магическая связь окончательно не разрывалась – утробные волосы становились частью причесок взрослых мужчин и женщин. Казахи и киргизы с взрослением ребенка считали нужным избавление человека, особенно мальчика, от этой связи, окончательно лишая ребенка утробных волос в более старшем возрасте.

² Термин характерен для диалекта предбайкальских бурят. Раньше, когда собирались делать обряд, женщину спрашивали: «Ши арюш? Ошихонш?» ‘Ты чиста или грязна [ритуально]?’ [Хандагурова, 2008, с. 174].

Утробные волосы после стрижки требовалось хранить, пока был жив человек. Обычно они хранились у его родителей. Со временем традиционные практики трансформировались, утратили свое прежнее значение. В результате многие стали избавляться от волос разными способами, преследуя одну цель – исключить возможность вредоносных манипуляций с волосами.

В настоящее время обряд стрижки утробных волос вновь становится актуальным, однако обоснования его проведения стали иными – сакральная «нечистота» волос, их здоровье и густота. В то же время во многих семьях волосы у детей не стригут вовсе либо символически состригают концы волос. Считающие стрижку следованием традициям не придерживаются правил сохранения утробных волос. В современном обществе избавляются от волос разными способами. Современный обряд стрижки утробных волос у бурят, тувинцев, хакасов, алтайцев ассоциируется с первым годом рождения ребенка и выступает одним из главных праздников детства. В сельских районах Монголии все еще придерживаются старых обычаев, а сам праздник сохраняет важное экономическое значение в жизни семьи.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии» № 126020616724-3).

Источники

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 2025 г. в г. Улан-Батор, Монголия (информант – Батцэнгэлийн Нацагдорж 1984 г. р., цонгол, Монголия).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 2025 г. в г. Улан-Удэ Республики Бурятия (информант – А. Р. Галданова, 1937 г. р. тэртэ, п. Баянгол Закаменского района Республики Бурятия).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 2025 г. в г. Улан-Удэ Республики Бурятия (информант – Матошкина Н. И. 1954 г. р., хурамша, с. Хатар-Хадай Эхирит-Булагатского района Иркутской области)
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в 2026 г. в г. Улан-Удэ Республики Бурятия (информант – Цырендоржиев Д. 1999 г. р. бодонгут оргодой, с. Заткулей Забайкальского края).

Список литературы

- Айыжы Е. В. Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая: традиции и инновации : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2024. 334 с.
- Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1987. 142 с.
- Бакаева Э. П. О символике наконечников в женском костюме калмыков // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. № 11. С. 36–69.
- Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. 57 с.
- Башбаева А. Х. Казахский обряд «Шаш алу – отращивание прядей волос», 6 октября 2014 г. URL: https://rcrkoo.ru/archives/digital_catalogue/казахский-обряд-шаш-алу-отращиван (дата обращения: 12.08.2025).
- Баязитова Р. Р. «Волосы» в традиционной культуре башкир // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. Филология. 2018. Т. 28, вып. 4. С. 613–620.
- Бичеев Б. А. Обряд сажания на коня у ойратов Синьцзяна // Этнография. 2023. № 2 (20). С. 93–110.
- Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1 / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. 520 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2 / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. 536 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3 / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001. 440 с.
- Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха. Новосибирск : Наука, 2005. 307 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 196 с.
- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 115 с.
- Ганболд М. Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал. Bibliotheca oiratica XXVIII. Улаанбаатар : Соембо принтинг ХХК, 2012. 189 т.
- Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в. Новосибирск : Наука, 2006. 184 с.
- Даваа Е. К.-О., Куулар Ч. Б.-О. Обряды детства в современной тувинской культуре // Центрально-азиатские исторические чтения. История и археология. 2024. № 6. С. 33–36.
- Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2010. 568 с.

- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Рус. яз., 1977. 764 с.
- Кара-оол Ч. А. Обряд первой стрижки волос в традиционной культуре тувинцев // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4–3 (53). С. 34–36.
- Кармышева Б. Х. Каратегинские киргизы. М. : Наука, 2009. 284 с.
- Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. 158 с.
- Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхэ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ : Монгол-буриад ном, 2012. 854 с.
- Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX). Улан-Удэ, 2013. 176 с.
- Монгол Улсын угсаатны зүй (XIX–XX зууны зааг үе). I боть. Улаанбаатар : Монсудар, 2012. 536 т.
- Монголын угсаатны зүйн. Хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн. VII. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2011. 420 т.
- Монголын угсаатны зүйн. Хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн. XI. Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2020. 247 т.
- Наурзбаева З. Ж. Закрытые и открытые структуры в традиционных женских обрядах // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2022. № 4(108). С. 142–151.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. : Наука, 1984. 486 с.
- Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 298 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 420 с.
- Хандагурова М. В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во 2 половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек Куды, Мурино и Каменка. Иркутск : Амтера, 2008. 228 с.
- Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XXI в.). Новосибирск : Наука, 2009. 194 с.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – нач. XXI в. Элиста : Джангар, 2011. 223 с.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 2. М. : Сов. энцикл., 1985. 474 с.
- Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 434 с.

Sources

- Author's field materials 1.* Opros, provedennyi v 2025 g. v g. Ulan-Bator, Mongoliya (informant – Battsengeliiin Natsagdorz, 1984 g. r., tsongol, Mongoliya [A survey conducted in 2025 in Ulaanbaatar, Mongolia (the informant is Battsengalyn Natsagdorj, born in 1984, tsongol, Mongolia)]).
- Author's field materials 2.* Opros, provedennyi v 2025 g. v g. Ulan-Ude Respubliki Buryatiya (informant – A. R. Galdanova, 1937 g. r., terte, p. Bayangol Zakamenskogo raiona Respubliki Buryatiy) [A survey conducted in 2025 in Ulan-Ude, Republic of Buryatia (the informant is A. R. Galdanova, born in 1937, terte, Bayangol village, Zakamensky district of the Republic of Buryatia)].
- Author's field materials 3.* Opros, provedennyi v 2025 g. v g. Ulan-Ude Respubliki Buryatiya (informant – N. I. Matoshkina, 1954 g. r., khuramsha, s. Khatar-Khadai Ekhirit-Bulagatskogo raiona Irkutskoi oblasti) [A survey conducted in 2025 in Ulan-Ude, Republic of Buryatia (the informant is N. E. Matoshkina, born in 1954, Khuramsha, Village of Khatar-Hadai, Ekhirit-Bulagatsky district, Irkutsk region)].
- Author's field materials 4.* Opros, provedennyi v 2026 g. v g. Ulan-Ude Respubliki Buryatiya (informant – D. Tsyrendorzhiev, 1999 g. r., bodongut ordogoi, s. Zatkulei Zabaikalskogo kraya) [A survey conducted in 2026 in Ulan-Ude, Republic of Buryatia (the informant is D. Tsyrendorzhiev, born in 1999, bodongut ordogoi, Village of Zatkuley, Trans-Baikal Territory)].

References

- Aiyzyh E. V. *Obryady zhiznennogo tsykla tuvintsev Rossi, Mongolii i Kitaya: traditsii i innovatsii. Diss. ... dok. ist. nauk [Rituals of the life cycle of the Tuvans of Russia, Mongolia and China: traditions and innovations. Doc. histor. sci. syn. diss.]*. Kazan, 2024, 334 p. (In Russ.)
- Badmaeva R. D. *Buryatskii narodnyi kostyum [Buryat Folk Costume]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1987. 142 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. O simvolike nakosnikov v zhenskom kostyme kalmykov [On the Symbolism of Braid-Inlays in Kalmyk Women's Costume]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal) [Mongolian Studies (Mongol sudlal)]*. 2017, № 11, pp. 36–69. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.). *Kalmyki [Kalmyks]*. Moscow, Nauka Publ., 2010. 568 p. (In Russ.)
- Banchikov G. G. *Brak i semiya u mongolov [Marriage and Family Among the Mongols]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1964. 57 p. (In Russ.)
- Bashbaeva A. Kh. *Kazakhskii obryad "Shash alu – ot-rashchivanie pryadei volos", 6 oktyabrya 2014 g. [Kazakh rite "Shash alu – reflection of straight hair", October 6, 2014]*. URL: https://rcrkoo.ru/archives/digital_catalogue/kazakhskii-obryad-shash-alyu-otraschivaniya (date of access: 12.08.2025). (In Russ.)
- Bayazitova R. R. "Volosy" v traditsionnoi kulture bashkir ["Hair" in the Traditional Culture of the Bashkirs]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filologiya" [Bulletin of Udmurt University. Series "History. Philology"]*. 2018, Vol. 28, Is. 4, pp. 613–620. (In Russ.)
- Bicheev B. A. *Obryad sazhanii na konya u oiratov Sintszyana [Ritual of mounting a horse among the Oirats of Xinjiang]. Etnografiya [Ethnography]*. 2023, Vol. 2 (20), pp. 93–110. (In Russ.)
- Bravina R. I. *Kontseptsiya zhizni i smerti v etnokulture, osnovannoi na materialnykh traditsiyakh sakha [The Concept of Life and Death in the Ethnoculture Based on the Material Traditions of the Sakha]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005. 307 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]*. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (In Khakassian; in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov [Archaic Customs and*

- Rituals of the Sayan Turkic peoples*]. Abakan, Khakassian Univ. Press., 196 p. (In Russ.)
- Davaa E. K.-O., Kuular Ch. B.-O. Obryady detstva v sovremennoi tuvinskoi kulture [Childhood Rites in Modern Tuvan Culture] *Tsentrarnoaziatskie istoricheskie chteniya. Istoriya i arkhologiya* [Central Asian Historical Readings. History and Archaeology]. 2024, № 6, pp. 33–36. (In Russ.)
- Fielstrup F. A. *Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kyrgyz of the early twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 298 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Pre-Lamaist Beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 115 p. (In Russ.)
- Ganbold M. *Oirad mongolchuidyn baigal khamgaalakh ulamzhlal* [Nature conservation traditions of the Oirat Mongols]. *Bibliotheca oiratica XXVIII*. Ulaanbaatar, Soyombo printing, 2012, 189 p. (In Mongolian)
- Gombozhapov A. G. *Traditsionnye semeino-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX – XX v.* [Traditional Family and Clan Rituals of the Aga Buryats in the Late 19th – 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 184 p. (In Russ.)
- Kara-ool Ch. A. *Obryad pervoi strizhki volos v traditsionnoi kulture tyvintsev* [The Rite of the First Haircut in the Traditional Culture of the Tuvans]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2013, № 4–3 (53), pp. 34–36. (In Russ.)
- Karmysheva B. Kh. *Karateginskie kirgizy* [The Karategin Kyrgyzes]. Moscow, Nauka Publ., 2009, 284 p. (In Russ.)
- Khandagurova M. V. *Obryadnost kudinskikh i verkholenskikh buryat vo 2-oi polovine XX v. (basseinov verkhnego i srednego techeniya rek Kuda, Murino i Kamenka)* [The ritual of the Kudin and Verkholensk Buryats in the second half of the XX century (basins of the upper and middle course of the rivers Kuda, Murino and Kamenka)]. Irkutsk, Amtera Publ., 2008, 228 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collection of essays]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1959, Vol. 2, 420 p. (In Russ.)
- Kustova Yu. G. *Rebenok i detstvo v traditsionnoi kulture khakasov* [Child and childhood in the traditional culture of the Khakasians]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000, 158 p. (In Russ.)
- Linkhovoin L. *Lodon bagshyn debterhe. Materialy na buryatskom i russkom yazykakh* [From the notebook of teacher Lodon. Materials in Buryat and Russian languages]. Ulan-Ude, Mongol-buriad nom, 2012, 384 p. (In Buryat; in Russ.)
- Lkhagvasuren I. *Altaiskie uryankhaitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (konets XIX – nachalo XX)* [Altai Uryankai people. Historical and ethnographic essays (late XIX – early XX)]. Ulan-Ude, 2013, 176 p. (In Russ.)
- Mongolyn ugsaатny zūjn. Hээрiйн судалгааныг ххэрэглэгдэхүүн* [Mongolian Ethnography. Source materials for field research]. Ulaanbaatar, Soёмбо printing, 2011, Vol. VII, 420 p. (In Mongolian)
- Mongolyn ugsaатny zūjn. Hээрiйн судалгааныг ххэрэглэгдэхүүн* [Mongolian Ethnography. (Bridge of the XIX–XX Centuries)]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, Vol I, 536 p. (In Mongolian)
- Mongolyn ugsaатny zūjn. Hээрiйн судалгааныг ххэрэглэгдэхүүн* [Mongolian Ethnography. Source materials for field research]. Ulaanbaatar, Soёмбо printing, 2020, Vol. XI, 247 p. (In Mongolian)
- Muniev B. D. (comp.). *Kalmytsko-russkii slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 764 p. (In Kalmyk; in Russ.)
- Naurzbaeva Z. Zh. *Zakrytye i otkrytye struktury v traditsionnykh zhenskikh obryadakh* [Closed and open structures in traditional women's rituals]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya"* [Bulletin of the Karaganda University. Series "History. Philosophy"]. 2022, № 4 (108), pp. 142–151. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolko-russkii slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, Vol. 1, 520 p. (In Mongolian; in Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolko-russkii slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, Vol. 2, 536 p. (In Mongolian; in Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolko-russkii slovar* [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Akademiya Publ., 2001, Vol. 3, 440 p. (In Mongolian; in Russ.)
- Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsykla kalmykov XIX – nach. XXI v.* [Rituals of the life cycle of the Kalmyks 19th – beginning 21st century]. Elista, Dzangar Publ., 2011, 223 p. (In Russ.)
- Taskin V. S. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov grupy dunkhu* [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 486 p. (In Russ.)
- Tsydenova D. Ts. *Predstavleniya aginskikh buryat o zhizni i smerti (konets XIX – nachalo XXI v.)* [Representations of the Aginsk Buryats about life and death (late 19th – early 21st centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 194 p. (In Russ.)
- Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, Vol. 2, 474 p. (In Kyrgyz; in Russ.)
- Yusha Zh. M. *Folklor i obryad tyvintsev Kitaya v nachale XXI veka: struktura, semantika, pragmatika. Diss. ... dok. gilolog. nauk* [Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century: structure, semantics, pragmatics. Doc. filol. sci. syn. diss.]. Moscow, 2018, 434 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Содномпилова Марина Михайловна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Information about the author

Sodnompilova Marina Mikhailovna

Doctor of Sciences (History), Leading researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: sodnompilova@yandex.ru